

Третий из семьи Бай кашлянул, чтобы привлечь внимание своего отца, и Третий двоюродный дед неохотно замолчал. Третий из семьи Бай улыбнулся главе деревни:

— Благодарю вас, глава. Янцзы, помоги своей матери подняться с земли. Лежать так — это не прилично.

Шэнь Су посмотрел на Третьего из семьи Бай. Честно говоря, в их семье только у этого парня был хоть какой-то ум. С этими словами он достал документ, который носил с собой, и протянул его главе деревни. Бай Ян, который шёл помочь Третьей тётушке Ван, вдруг вспыхнул, бросился вперёд, выхватил документ из рук главы деревни, сунул его в рот, разжёвал и проглотил, с самодовольным видом.

Наступила тишина. Никто не мог поверить увиденному.

Шэнь Су первым засмеялся:

— Бай Ян, ты не думаешь, что это единственный экземпляр документа? Ты съел мой, но у старосты есть ещё один, а в уездном городе — третий...

Глядя на изменившееся лицо Бай Яна, Шэнь Су с укором добавил:

— Вот почему нужно больше учиться, Бай Ян, согласен? Если бы ты учился, то знал бы такие вещи и не совершал бы глупостей.

Ли Чуньхуа смеялась так, что чуть не упала:

— Ах, вы только посмотрите на этого дурака Бай Яна.

Она и сама не знала, что существует столько копий документа, но это не мешало ей радоваться тому, что сын Третьей тётушки Ван опозорился.

Шэнь Су повернулся к главе деревни:

— Глава, документ съел Бай Ян, и теперь его не увидеть. Может, всё-таки позовём старосту? У него есть копия, и это будет быстрее, чем ехать в уездный город.

Да, он специально сказал, что Бай Ян съел документ.

Третий из семьи Бай мрачно произнёс:

— Не нужно звать. Если документ есть, значит, он настоящий. Мы можем отказаться от дома и сразу же переехать.

— Отец?

— Муж?

Бай Ян и Третья тётушка Ван в один голос удивлённо посмотрели на Третьего из семьи Бай.

Третий из семьи Бай сказал:

— Но дом Ломэя построен давно, и мы потратили немало денег на его ремонт, чтобы Янцзы мог жениться. Мы наняли рабочих, и это тоже стоит денег. Ремонт был сделан в доме Ломэя, а сам Ломэй сейчас не здесь, и никто не знает, когда он вернётся. Но свадьба Янцзы не может

ждать. Нам нужны деньги на праздник, и вы должны вернуть нам деньги, потраченные на ремонт.

Третья тётушка Ван сразу же подхватила:

— Да, правильно. Верните нам деньги за ремонт.

— Пф, — фыркнула Ли Чуньхуа, не выдержав. — Что вы там вообще отремонтировали? Дом принадлежит Ломэю, и он не просил вас его ремонтировать. Без ремонта Ломэй жил бы прекрасно. Вы ворвались в его дом и сделали ремонт, а теперь требуете денег. Почему бы вам просто не заняться грабежом? С таким бизнесом вы бы процветали даже в столице.

Третий из семьи Бай указал путь, и его миссия была выполнена. Теперь Третья тётушка Ван взяла на себя инициативу и, услышав слова Ли Чуньхуа, снова вскочила:

— Ли Чуньхуа, мы действительно сделали ремонт в доме! Мы потратили деньги, разве это неправда? Как это грабёж? Мы планировали использовать дом для свадьбы Янцзы, купили хорошие материалы и потратили немало серебра.

Шэнь Су спросил:

— Третья тётушка Ван, сколько, по-вашему, мы должны заплатить?

— Сто пятьдесят лян, ни копейки меньше, — гордо заявила Третья тётушка Ван, важничая.

Со всех сторон раздались вздохи удивления.

Шэнь Су посмотрел на главу деревни:

— Глава, я думаю, лучше всё же позвать старосту. Если он не поможет, пойдём в уездный город и подадим жалобу. В конце концов, найдётся место, где всё прояснится. Если никто не пойдёт, я подожду. В крайнем случае, завтра утром мой нанятый человек приведёт сюда уездных стражников.

Третий двоюродный дед сказал:

— Сто лян, меньше нельзя.

Шэнь Су:

— Глава, позовите старосту.

Третий из семьи Бай предложил:

— Мы заберём купленные кровати и изготовленную мебель. Те балки, что уже установлены, нельзя снять, двери тоже нельзя убрать. Вы можете решить и дать нам пятьдесят лян, ладно?

— Подать жалобу, подать жалобу! — радостно кричала Ли Чуньхуа.

Шэнь Су посмотрел на Третьего из семьи Бай:

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Но пусть все знают, что была заменена только одна балка, и она была сделана из хорошего материала, который мы сами добыли в горах, так что это не стоило больших денег. А двери... на них просто наклеили несколько красных бумажек... Эти

пятьдесят лян — цена за спокойствие.

Затем он повернулся к главе деревни:

— Глава, нужно составить расписку и заставить всех подписать её. Ведь даже расписки могут быть съедены, а без неё я не могу согласиться на это.

Глава деревни взглянул на Третьего двоюродного деда и взял это на себя.

Ли Чуньхуа была недовольна, но Шэнь Су промолчал, так как сейчас было много людей, и это было неудобно. Ведь на самом деле он не нанимал никого, чтобы сообщить чиновникам. Если бы позвали старосту, всё закончилось бы взаимными обвинениями, и никакой выгоды бы не было. В наше время старшинство Третьего двоюродного деда действительно могло давить на людей.

— Это же пятьдесят лян серебра!

Вернувшись домой, Ли Чуньхуа не выдержала и набросилась на Шэнь Су:

— Ты с ума сошёл? Я прошу у тебя два ляна в месяц, а ты ведёшь себя так, будто я хочу обокрасть тебя. А они запросили пятьдесят лян, и ты, расточитель, даже глазом не моргнул... Я... не могу, у меня сердце болит...

Шэнь Су спокойно сел за письменный стол, достал чистую тетрадь, обмакнул кисть в чернила и, слушая слова Ли Чуньхуа, сдерживал улыбку, чтобы она не заметила. Он прочистил горло и серьёзно сказал:

— Мама, если они осмелились запросить пятьдесят лян, у меня есть способ заставить их отдать что-то равное по ценности.

Ли Чуньхуа сразу же забыла о боли в сердце и с интересом подошла к Шэнь Су:

— Какой способ? Расскажи мне.

Шэнь Су записал в тетради: «Семья Третьего двоюродного деда под предлогом ремонта вымогает пятьдесят лян серебра», его глаза горели холодной решимостью расплаты. Закрыв тетрадь, он улыбнулся Ли Чуньхуа:

— Мама, ты не умеешь хранить секреты, а в деревне многие любят выведывать у тебя информацию. Когда придёт время, ты всё узнаешь.

Ли Чуньхуа чувствовала себя так, будто её сердце царапает кошка. Ей было невероятно интересно, но она знала, что Шэнь Су уже принял решение и не станет рассказывать. Однако она радовалась, что семья Третьего двоюродного деда должна будет вернуть долг, и это было приятнее, чем любое лакомство. Она решила позволить им немного почивать на лаврах.

Пока мать и сын размышляли, снаружи раздался тихий стук в дверь.

Шэнь Су встал и вышел. Как раз вовремя — это был ребёнок, которого он искал.

Мальчик, увидев Шэнь Су, застенчиво улыбнулся, показывая свои маленькие клыки. Он крепко сжимал карман своей рубашки и, подняв лицо, спросил:

— Учитель, вы теперь будете жить в городе?

Шэнь Су:

— Да.

Лицо мальчика покраснело, и он, копаясь в кармане, достал три-четыре монетки и протянул их Шэнь Су:

— Сколько стоит один урок? У меня есть... — Он снова пересчитал монетки и поднял голову. — У меня есть четыре монетки. Вы можете научить меня читать? Не нужно много, только на четыре монетки.

— Чему можно научиться за четыре монетки? — Ли Чуньхуа вышла из дома и, услышав детские слова, рассмеялась. — Возьми их и купи себе сладостей. Если твой отец узнает, что ты взял деньги, он тебя отлупит.

Мальчик, взглянув на Ли Чуньхуа, вздрогнул, явно испугавшись, но всё же упрямо держал руку с монетками, с надеждой глядя на Шэнь Су и не желая убирать её.

Шэнь Су встречал этого мальчика дважды. Он знал, что это деревенский ребёнок, которого часто видел, но не знал, из какой он семьи. Он знал только, что мальчик был скуповат и за работу требовал плату. Эти четыре монетки, вероятно, были его накоплениями за предыдущие поручения. Шэнь Су посмотрел на Ли Чуньхуа, желая узнать о мальчике подробнее.

Ли Чуньхуа сказала:

— Это сын Бай Лайцая, зовут Сяо Ху.

Бай Лайцай был известным в деревне игроком, который круглый год пропадал где-то, продавая всё, что можно, чтобы получить деньги на азартные игры. Его родители умерли от горя, а жена, не выдержав, ушла к своей семье, оставив ребёнка. Но Бай Лайцай продолжал играть, не обращая внимания на сына. Если бы не забота деревни, мальчик вряд ли бы выжил.

Мальчик, видя, что Шэнь Су молчит, торопливо сказал:

— Учитель, я хочу научиться только на четыре монетки. Когда у меня будет больше денег, я снова приду к вам. Это мои собственные деньги, отец не знает.

Разумеется, если бы он знал, Бай Лайцай давно бы забрал их, и они бы не остались у мальчика.

Шэнь Су наклонился, взял монетки и кивнул:

— Хорошо, я принимаю. Когда у тебя будет больше денег, отправь мне сообщение или дождись моего возвращения, и я научу тебя читать.

<http://bllate.org/book/16447/1491401>